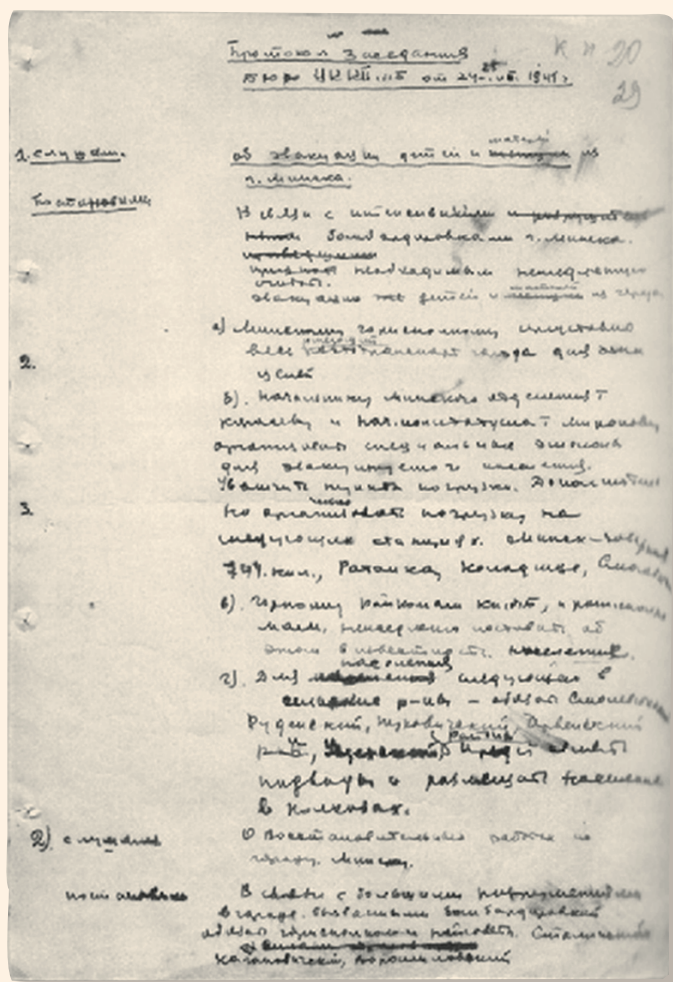

Эмануил **ИОФФЕ**,
доктор исторических наук

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ (1941—1943). НЕИЗВЕСТНЫЕ И МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Среди проблем белорусской истории периода Великой Отечественной войны, которые ещё ожидают подробного рассмотрения, видное место занимает вопрос об эвакуации населения республики в 1941–1943 годах. Часто ссылаются на воспоминания первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко о его телефонном разговоре со Сталиным 23 июня 1941 года, в котором они наметили план и задачи эвакуации, начиная с создания республиканской эвакуационной комиссии. В этой версии событий Пантелеймон Кондратьевич предстаёт перед нами мудрым руководителем, который всё своевременно предпринял и предусмотрел.

Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 24 июня 1941 г.
Фрагмент. Автограф П. К. Пономаренко.

А теперь посмотрим, как дело обстояло в действительности. Вот что пишет авторитетный белорусский исследователь и большой знаток архивных источников Г. Д. Кнатько: «Разговор П. К. Пономаренко со Сталиным об эвакуации похож на вымысел. В этот день Сталину ещё пока не ясна была обстановка на фронте. Совещание в ЦК КП(б)Б вечером 24 июня под руководством П. К. Пономаренко и принятие развернутых решений, в том числе об эвакуации — чистый вымысел. П. К. Пономаренко находился в штабе Западного фронта (под Могилёвом. — Э. И.), связи с которым не было. Достоверность разговора В. Н. Малина со Сталиным (речь идёт о разговоре 24 июня 1941 года секретаря ЦК КП(б)Б из здания ЦК КП(б)Б в Минске. — Э. И.) сомнительна. Город пылал. Управлять положением в городе, а тем более в республике ни секретари ЦК, ни правительство (о котором мемуаристы не вспоминают) оказались не в состоянии. Началась стихийная эвакуация. Не располагая сведениями о положении на фронте, не имея связи с 1-м секретарём... находясь в пылающем городе и предполагая, что враг вот-вот захватит его, группа секретарей ЦК (КП(б)Б. — Э. И.) отдаёт распоряжение об эвакуации и покидает Минск... П. К. Пономаренко не пишет, как эвакуировался он сам...»¹

О том, что вопрос об эвакуации 23 июня даже не поднимался, пишет И. Ю. Воронкова: «Подвижные пути Минского железнодорожного узла оказались разрушенными, часть подвижного состава была уничтожена. В перерывах между бомбёжками отряды из рабочих, служащих и студентов пытались восстанавливать железнодорожное полотно и взлётную полосу аэродрома. Гигантские усилия предпринимались железнодорожниками, чтобы сформировать хоть какие-нибудь составы из разномастных вагонов, стоявших на запасных путях. Сколько удалось отправить эшелонов из Минска 23–25 июня — неизвестно. По свидетельству руководства Западной железной дороги, документы об эвакуации через Минский железнодорожный узел не сохранились. Существуют лишь цифры, основанные на воспоминаниях участников событий. В воспоминаниях заведующего отделом транспорта и связи ЦК КП(б)Б М. И. Сарычева упоминаются 50 эшелонов, выехавших из города 23–25 июня. Секретарь ЦК П. З. Калинин пишет о 10 эшелонах, выехавших из города, причём только 24 июня»².

Не существует также данных о количестве минчан, которым удалось эвакуироваться по железной дороге или автотранспортом. По свидетельству того же Сарычева, подготовка к эвакуации в здании ЦК (имеется в виду не сохранившееся до наших дней здание, стоявшее рядом с библиотекой имени Ленина по улице Красноармейской) шла в течение всего дня 24 июня. Как только был получен приказ об эвакуации, архивы были «с молниеносной быстротой погружены на машины и под прикрытием темноты отправлены в Могилёв. В 20.00 (по другим сведениям, в 21.00) все центральные органы власти получили приказ командования Западного фронта эвакуироваться в Могилёв. В 23.30 четверо заместителей председателя СНК выехали из Слепянки в Дом Правительства, чтобы проверить отправку архивов. Как прошла проверка, источник — дневник... И. А. Крупени умалчивает. Такое молчание не случайно. В руки немцев, вошедших через несколько дней в город, попали почти все дела, касавшиеся государственного управления БССР, в том числе: списки членов правительства и их семей, руководящих работников ЦК ЛКСМБ, важнейших государственных структур, а также все мобилизационные дела БССР»³.

Вновь предоставим слово Кнатько: «Получается, что последние руководители республики оставили Минск часа в четыре утра 25 июня, все остальные ещё раньше. Насколько велика была спешка, свидетельствует тот факт, что не эвакуировали архив СНК, а председатель Президиума Верховного Совета БССР, член бюро ЦК КП(б)Б

Наталевич, как пишет И. П. Ганенко (секретарь ЦК КП(б) Б. — Э. И.), «забыл впопыхах изъять из своего сейфа одну вещь. Не буду называть, какую. Допущенная оплошность была крайне неприятной. Досадуя о случившемся, П. К. Пономаренко обратился ко мне с вопросом. Не соглашусь ли я вернуться в Минск с тем, чтобы поправить неприятный промах». И. П. Ганенко согласился. Но до Минска 29 июня ему добраться не удалось, кровопролитные бои шли на подступах к Борисову... Таким образом, мемуары руководителей республики содержат сведения, что... за три дня до оккупации (Минска. — Э. И.) в трагический для народа период руководители республики без объявления об эвакуации тайно ночью покинули город, бросив жителей на произвол судьбы»⁴.

Какую же вещь, забытую в сейфе, не хотел называть в своих воспоминаниях Иван Петрович Ганенко (1903–1995)? Журналист Сергей Крапивин пишет: «В разное время три разных человека рассказывали мне, что в Доме Правительства было «забыто» Государственное знамя БССР с орденом Ленина. И что вроде бы затем из Могилёва в Минск (ещё до вступления в столицу немцев) посылали спецгруппу для поисков знамени. Существует ли основание для подобной легенды? Косвенно это подтверждает докладная записка... П. К. Пономаренко на имя И. В. Сталина «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР», которую белорусский лидер составил 17 августа 1941 года. В документе есть такой абзац: «Архив Совнаркома БССР и ряда наркоматов остался в Минске (в Доме Правительства) и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и председателем СНК БССР. Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мною был послан отряд 27.VI.1941 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог»⁵.

Утро 24 июня 1941 года перечеркнуло все надежды минчан на благополучный исход событий. В 8.40 прозвучал сигнал воздушной тревоги. В 9.40 началась первая массированная бомбардировка Минска, в которой участвовали 47 самолётов. Затем в течение дня город подвергся еще трём столь же мощным налётам. Минск бомбили фугасными и зажигательными бомбами. Поэтому к разрухе прибавились пожары — огонь молниеносно перебрался от здания к зданию. Многие минчане сгорели или задохнулись от дыма в плохо приспособленных для укрытия подвалах домов. По оценке немецкой санитарной службы, на 1 августа 1941 года под развалинами Минска, кроме похороненных жертв налётов немецкой авиации, оставалось ещё от 600 до 700 трупов. В одночасье был уничтожен весь центр города.

Обстановка ухудшалась с каждым часом: «После налётов немецких самолётов 24 и 25 июня начать массовую эвакуацию из Минска предприятий, учреждений и населения было уже невозможно. Подвижные пути Минского железнодорожного узла оказались разрушенными. Часть подвижного состава была уничтожена. Не смогли вывезти оборудование ни одного из 332 промышленных предприятий Минска, смогли эвакуировать лишь часть коллективов нескольких из них... В больницах Минска осталось большое количество больных и раненых. Вечером 24 июня на приём к секретарю ЦК В. Г. Ванееву, ведавшему эвакуацией, пробилась делегация работников Наркомата здравоохранения, горздраотдела и городских больниц, в её числе был и будущий подпольщик профессор Е. В. Клунов. Вопрос был один: что делать с пациентами? В сложившейся ситуации он остался без ответа... Утром 25 июня из Минска вырвался последний эшелон, на котором уехали сами железнодорожники»⁶.

Врач Надежда Хатченко вспоминала: «24-го в полдень, когда образовался небольшой перерыв в налётах, бросилась с детьми на вокзал, но там была такая давка, что уехать не было никакой возможности»⁷.

Многим рабочим фабрик и заводов запретили уходить с работы, чтобы подготовиться к эвакуации, и приказали оставаться на

своих предприятиях до особого распоряжения. Как вспоминала секретарь-машинистка Минского молочного завода Анастасия Цитович, она ждала, но так и не дождалась распоряжения начальства об эвакуации»⁸.

Известны случаи, когда были вынуждены вернуться некоторые минчане, которым вроде бы удалось уже эвакуироваться по железной дороге. Дело в том, что один из эшелонов был пущен под откос немецкими диверсантами в районе станции Колодищи. Ромуальд Матусевич, который вспоминал об этом, в 1941 году был 14-летним мальчиком. Он сам, его сестра и мать с новорождённым братом на руках добрались до Минска, когда там уже были немцы»⁹.

А Пантелеймон Кондратьевич продолжал посылать бодрые реляции...

В записке Пономаренко Сталину «О положении в Белоруссии», которую потом назвали «Развитие партизанского движения», написанной не позднее 12 июля 1941 года, говорилось: «...Настроение белорусов исключительно патриотическое и боевое. Скот из колхозных ферм погнали, как только объявили об этом. В связи с этим не только не было инцидентов, наоборот, колхозники выделяли гонщиков, доярок — в путь следования снабдили всем.

Сейчас через Днепр и Двину прошло 350 000 голов скота. Там, где колхозники поднимают личный скот, там снимается весь колхоз и уходит. Говорят: «Трактора, лошади и скот уходят, и мы уйдём, Советская власть будет, всё будет». ...Как вывод, должен подчеркнуть — исключительное бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу колхозников, в отличие от некоторой части служилого люда городов, ни о чём не думающих, кроме спасения шкуры...»¹⁰

До сих пор не прояснён и очень важный вопрос о количестве эвакуированных жителей БССР. В последнем томе 18-томной «Беларуской энциклопедии» (2004) утверждается, что всего в июне–августе 1941 года в восточные районы СССР (Поволжье, Урал, Западную Сибирь и др.) выехало около 1,5 млн жителей Беларуси¹¹. Такую же цифру называет энциклопедия, изданная в 2005 году¹². В 2008-м Л. А. Сугако пришла к следующему выводу: «Учитывая стихийность процесса эвакуации, проблематично установить точно общую численность эвакуировавшихся из западных и центральных регионов республики, Только учтённое их количество... составляет 102 тыс. человек»¹³.

Чем объяснить столь значительную разницу в цифрах? Подразумевалось, что если ты эвакуируешься, значит, ты патриот, ненавидишь врага, а если остаёшься, то готов изменить Родине. Чем больше эвакуированных, тем больше партия большевиков воспитала патриотов... После речи Сталина в 1946 году, в которой он определил потери советского народа в Великой Отечественной войне в 7 млн человек, советское руководство ориентировало руководящие партийные кадры на то, чтобы они показывали меньше людских потерь, а больше эвакуированных, то есть выживших.

В этом главная причина возникновения огромных цифр, показывающих количество эвакуированных из БССР — сначала миллион человек, а затем и все полтора миллиона.

На самом деле под «мудрым руководством» Пономаренко в Беларуси было упущено время для начала организованной эвакуации населения, что привело к неоправданной гибели тысяч людей. Сам Пантелеймон Кондратьевич и его соратники больше думали о том, как отчитаться перед Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Маленковым и Шверником, чем о своевременной и хорошо организованной эвакуации. Их больше интересовала эвакуация материальных ресурсов, секретных архивов, а не людей.

Как свидетельствуют различные источники, эвакуация из БССР проходила на территорию Российской Федерации, в Армянскую ССР, в Казахскую ССР и в республики Средней Азии — Узбекскую,

Киргизскую, Таджикскую и Туркменскую. В Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) хранятся данные об эвакуированных в регионы РСФСР, а также отдельные данные по Армянской и Туркменской ССР, составленные эвакуотделом СНК БССР в 1942 году. Изучая их, видишь, что жители различных населённых пунктов БССР были эвакуированы в Куйбышевскую (ныне Самарская), Молотовскую (ныне Пермская), Ярославскую, Новосибирскую, Сталинградскую, Вологодскую, Горьковскую, Свердловскую, Саратовскую, Кировскую, Рязанскую, Омскую, Томскую, Иркутскую, Ивановскую, Пензенскую, Челябинскую области, Алтайский, Орджоникидзевский (ныне Ставропольский), Краснодарский и Красноярский края, в Мордовскую, Башкирскую, Марийскую, Татарскую, Чувашскую, Коми, Удмуртскую АССР¹⁴.

По моим подсчётам, сделанным на основании этих списков, число эвакуированных составило около 110 тысяч человек. Кроме того, в НАРБ хранится «Справка об эвакуации населения БССР», датированная 1 июня 1942 года и подписанная председателем СНК БССР Иваном Семёновичем Былинским (1903–1976). В справке всего учтено 120,1 тысяч человек¹⁵.

Всего на 15 ноября 1941 года, по данным Совета по эвакуации при СНК СССР, в РСФСР находилось 203 458 выходцев из БССР, в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане — ещё 19 194 жителя республики. Таким образом, общая цифра составила 222 652 человека¹⁶. На 1 декабря 1941 года число белорусских беженцев и эвакуированных на неоккупированной территории СССР выросло до 262 800 человек, всего же на тот момент по всей стране было зарегистрировано примерно 3 074 000 тысячи эвакуированных¹⁷.

Израильский исследователь А. Каганович утверждает: «В свете того, что, по данным Комитета по эвакуации, основанным на сведениях о железнодорожных перевозках эвакуированных и проверок по отдельным областям, к декабрю 1941 года их было в действительности не 3 млн 074 тыс. человек, а более десяти миллионов... число белорусских выходцев в это время можно оценить методом экстраполяции в 850–880 тысяч человек... К этому времени (в 1942 году. — Э. И.) часть белорусских мигрантов была призвана из тыла в армию. А часть стала жертвой повышенной смертности среди этой категории советских граждан (но самая большая смертность среди них была в 1942 году). Поэтому число всех беженцев и эвакуированных из БССР можно оценить в 0,9–1 млн человек. Отсюда следует, что... официальная цифра в 1,5 млн. человек значительно преувеличена».

На мой взгляд, и выводы А. Кагановича основаны на предположениях и завышены. В фондах НАРБ хранится справка «О количестве эвакуированного в глубь СССР населения из Белорусской ССР» от 3 августа 1942 года, которую подписал заместитель председателя СНК БССР Иван Ануфриевич Крупеня (1908–1952): «По неполным данным, которыми располагает Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР на сегодняшний день, количество эвакуированного населения из Белорусской ССР в глубь страны оценивается примерно в 700 тысяч человек. Население Белорусской ССР сконцентрировано главным образом в следующих областях и республиках: Башкирская АССР, Татарская АССР, Чувашская АССР. Туркменская ССР, Казахская ССР, Куйбышевская, Новосибирская, Свердловская, Саратовская, Сталинградская, Челябинская, Тамбовская области»¹⁸.

Летом 1942 года в советском руководстве возникла идея создать Белорусскую армию, в которую бы вошли граждане, эвакуированные из БССР. Маленков заинтересовался размерами этого контингента. Былинский и Крупеня в докладной записке, датированной августом 1942-го, отвечали, что в результате проведённой переписи эвакуированного из БССР населения его общее количество насчитывает 780 тысяч человек. Пономаренко в том же месяце докладывал Сталину то же самое: «Формирование армий произвести за счёт следующих ресурсов: ...д) По учёту значатся 780 000 чел. эвакуированного населения из Белоруссии. На 127 000 имеется списочный учёт»¹⁹.

Мало кому известно, что эвакуация из БССР продолжалась в декабре 1942 года и даже в 1943-м. Об этом свидетельствуют два документа, найденные мною в НАРБ. 1 декабря 1942 года члены бюро ЦК КП(б)Б слушали вопрос «О работе с эвакуированным населением из БССР». Было принято следующее постановление:

«1. Создать в районе города Торопца Калининской области эвакуопункт при СНК БССР, вменив в обязанность приём прибывающих граждан из тыла противника, проверку, санобработку, организацию питания, бытовое обслуживание и обеспечение эвакуации в тыловые области Советского Союза. Поручить Совнаркому БССР в декадный срок укомплектовать аппарат эвакуопункта и организовать его работу.

2. Для улучшения работы по розыску семей эвакуированных в тыловые области Советского Союза и ускорения выдачи справок на запросы отпечатать типографским способом именные списки эвакуированного населения и детей детучреждений из БССР.

3. Обязать т. Поповича закончить в ближайшее время работу по учёту эвакуированного населения из Белорусской ССР»²⁰.

2 апреля 1943 года на заседании бюро ЦК КП(б)Б рассматривался вопрос об эвакуопункте СНК БССР. Было решено организовать в Усвятском районе Смоленской области эвакуопункт для приёма, обслуживания и эвакуации в тыловые районы Советского Союза граждан, выходящих из районов БССР, временно оккупированных немцами захватчиками²¹.

Скорее всего, таких эвакуированных было немного, но они, несомненно были. Было и незначительное количество незарегистрированных эвакуированных и беженцев.

По моей оценке, общее количество эвакуированных из БССР в 1941–1943 годах составило примерно 750–780 тысяч человек. Таким образом, у нас есть веские основания сделать вывод, что официальные данные по сравнению с фактическими завышены без малого в два раза. И ещё. Во многих публикациях утверждается, что среди эвакуированных из республики в 1941 году большинство составляли евреи. По моим подсчётам, евреи составляли около 27 процентов эвакуированных из Белоруссии или около 190–200 тысяч человек.

Безусловно, эвакуация населения БССР в суровых условиях войны была народной трагедией. В то же время следует помнить, что без масштабной эвакуации населения и промышленных предприятий Советского Союза на восток не было бы и нашей Великой Победы над германским нацизмом...

г. Минск

Примечания

1. Князько Г. Д. Правящие круги летом 1941 г. Анализ мемуарных источников// Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Вып. 1. Мінск. 1992. С. 86.
2. Воронкова И. Ю. Минск 22–28 июня 1941 года//Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Вып. 2. Минск. 2003. С. 16, 19–20.
3. Там же. С. 20–21.

4. Князько Г. Д. Указ. соч. С. 91.
5. Крапивин С. Исход номенклатуры и народные трагедии//Народная воля. 2010. 29 чэрвеня — 1 ліпеня. С. 6.
6. Воронкова И. Ю. Указ. соч. С. 20–21.
7. Хатченко Н. В. Воспоминания. Фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (далее БГМИОВ). Н/в 21 334.
8. Цитович А. Я. Воспоминания. Фонды БГМИОВ. Н/в 8786.

9. Матусевич Р. Воспоминания. Фонды БГМИОВ. Н/в 14733.
10. Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 210–211.
11. Белорусская энциклопедия. У 18 тамах. Т.18. Кн. 1. Дадатак. Мінск. 2004. С. 39.
12. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга. Мінск. 2005. С. 20.
13. Сугако Л. А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой

Отечественной войны//Весці Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. 2008. № 2. С. 19.
14. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1963–1989.
15. Там же. Д. 689. Л. 201–209.
16. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 40. Д. 3517. Л. 18–19.
17. Там же. Л. 4–6; Д. 3030. Л. 45.
18. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 225. Л. 5.
19. Там же. Л. 67–69.
20. Там же. Оп. 3. Д. 1237. Л. 149.
21. Там же. Д. 1249. Л. 130.